

ИВАН УХАНОВ

ДУША НАРОДА ЗРЕЕТ В НЕПОГОДУ

(Из воспоминаний)

Союз писателей наш всегда был для меня школой жизни, товарищества, творчества. Был и есть.

И хотя практика художественного творчества исключает наставничество, учительство в их прямом толковании, ибо литературный цех – это не слесарный или токарный, в искусстве нужно доходить до всего самому, всё же своевременная духовная поддержка старших писателей мне на первых порах очень помогла в работе, помогла в какой-то мере избежать литературных ухабов, поверить в себя.

Закалять молодых доверием и ответственностью – этот стиль работы Союза писателей я заметил, почувствовал сразу же, как только стал его членом. С первых же месяцев меня начали доверительно посвящать в задачи, в большую и многохлопотную работу российской писательской семьи, давать серьёзные поручения.

В апреле 1974 года я получил письмо председателя правления Союза писателей РСФСР Сергея Владимировича Михалкова. Он просил выступить на пленуме правления, где пойдёт речь о новом в прозе 70-х годов, поделиться размышлениями о наиболее заметных произведениях последних лет.

Эту просьбу я, тогда совсем ещё юный член Союза писателей, автор двух книжек, прозаик из Оренбурга, взволнованно оценил как факт большого доверия и внимания ко мне. Торжественная напряжённость и какой-то бодрящий страх охватили меня. Эти чувства доминировали и на трибуне, когда выступал – трепетно, с дрожью в голосе и в коленях. Но высказался вроде бы по делу и, наверное, интересно: выступление моё отдельной статьёй было опубликовано в очередном номере “Литературного обозрения”.

На том пленуме, в перерыве, ко мне подошли Виктор Астафьев и Виктор Потанин, недавно давший мне рекомендацию для приёма в Союз писателей.

– Молодец, – поддержал меня Потанин и добавил: – Но не надо так волноваться. . .

– Надо! – резко возразил Астафьев. – Хуже другое – скоропалительная самонадеянность некоторых теперешних молодых. Я почти вдвое старше вас, но всякий раз волнуюсь на таких трибунах.

Правление Союза писателей стремилось расширить у молодых диапазон социальной активности, привлечь их внимание к насущным проблемам страны, толкнуть, так сказать, окунуть в “кипяток жизни”. Мне, например, были предо-

ставлены одна за другой творческие командировки в регион Южного Урала, итогом которых стало написание и опубликование в центральной печати публицистическо-документальной повести “Рыбак в степи”, серии очерков о строителях трансконтинентального газопровода Оренбург–Западная граница СССР.

Командировки не отвлекали от главного дела души – работы над книгами прозы, наоборот – обогащали, дисциплинировали. Много ездил, общался с людьми, писал, работая в основном на “оренбургском горючем”. Приятной неожиданностью явилась весточка из Москвы: некоторые сверстники мои и я избраны членами правления Союза писателей РСФСР, делегатами шестого съезда писателей СССР.

В начале 80-х пригласили в Москву работать, что ввергло меня в мучительное раздумье. Зачем мне Москва? – артачился, упирался я. Для творчества и в Оренбурге имею абсолютно всё: тёплое окружение славных тружеников-земляков, верных друзей, родственников (две сестры и пять братьев), квартиру, дачу, семью...

Да и литературный авторитет среди местной публики мало-помалу уже нарабатывался, складывался добрый.

Нашла меня в далёких заволжских степях премия Ленинского комсомола, которую мне вручили наряду с популярными личностями – публицистом-писателем Юрием Селезнёвым, актрисой Еленой Прокловой, композитором Давидом Тухмановым...

Но теперь Москва приглашала не на праздник, а работать. Но смогу ли?.. Я всегда сторонился должностей, томился, попадая в какие-то президиумы, считал, что пост приличному писателю не нужен, даже вреден; главное место писателя – за рабочим столом, только там он достойным образом должен проявлять себя, с пользой для Отечества израсходовать свою жизнь. Три месяца изнурял себя размышлениями, не решаясь сорваться с насиженного места, покинуть надёжную, родимую свою оренбургскую грибницу.

Меж тем из Москвы напомнили ещё раз... и я, дабы окончательно определиться, обратился к душевно близким мне собратьям по перу, с которыми переписывался, – к членам нашего писательского правления. И Валентин Распутин из Иркутска, и Николай Кузин из Свердловска, и Виктор Потанин из Кургана высказались однозначно: “Соглашайся, езжай в Москву, Иван. Так надо. И ты сам скоро поймёшь, почему надо!”

И вскоре я действительно понял это, когда, приехав в Москву, начал работать в журнале “Молодая гвардия”. Нельзя не отметить истинно, что журнал, несмотря на атаки космополитов и скороспело размножающихся “демократов”, твердыней стоял на пути антинародных сил, оголтелого русофобства, всемерно упрочая патриотический дух, национальное самосознание читателей (выходил журнал почти миллионным тиражом). Под его идейным знаменем действовали нравственно выносливые, духовно зрячие, неподкупные Михаил Лобанов, Валерий Ганичев, Пётр Проскурин, Владимир Чивилихин, Анатолий Иванов, Валентин Сорокин, Виктор Петелин, Дмитрий Балашов, Иван Шевцов, Виктор Чалмаев...

А над страной уже вздымалось предгрозье горбачёвской перестройки. Люди поначалу даже и вообразить не могли всю чудовищность злодейского умысла доморощенного партайгеноссе. Безоглядно поверили Горбачёву. Всех утомила череда похорон генсеков-старичков, хворобных и тугодумных, не могущих без бумажки-шпаргалки двух фраз произнести. А тут такой бодрый, неиссякаемый оратор! Говорит, говорит, говорит. Без устали и без бумажки... Сколько тайных от народа и партии ходов потребовалось совершить этому фарисею и предателю, чтобы возглавить многомиллионную рать коммунистов и завести её в гибельную западню, а социалистическую супердержаву опрокинуть, изменой и ложью порушить, попятить её в дикий капитализм!

У иуды нашлись – о, позор Отечества! – немало сообщников, сатрапов, единоверцев. Адамовичи, арбатовы, черниченки, волкогоновы, корякины, яковлевы, нуйкины и прочие “псы перестройки” с изощрённой наглостью вдалбливали в сознание растерявшихся, отчаявшихся, катастрофически беднеющих с каждым днём людей, что советское государство – мрачный концлагерь, где денно и ночью строчили пулемёты, расстреливая миллионы невинных, что советские люди в большинстве своём – жертвы идиотских коммунистических идей, лодыри и пьяницы, серые, малограмотные славяне,

люди с рабской психологией. “Демократическая” пресса охулила, растоптала всё, чего СССР достиг, чем по праву гордился.

На глазах у всего народа тускнел, мельчал, деградировал, превращаясь в огромный лабиринт невольных бездельников, Центральный Комитет КПСС. Подкупив, а частью развратив его, Горбачёв не только отстранил партию от реальных дел, но и сделал её козлом отпущения, виновником всех прошлых и текущих бед и грехов, тормозом на пути преобразований. Здоровые голоса о том, что КПСС — не столько политическая, сколько государственная структура, которую следует реформировать, а не уничтожать, тонули в пропагандистском рёве и гвалте атакующей контрреволюции. Потворствуя ей, Горбачёв продолжал возглавлять партию лично, словно опасаясь, что кто-то помешает ему наверняка привести её к могиле.

Жуткое было время. Творческая интеллигенция погрязла в злобных междоусобицах, огромная столичная писательская организация превратилась в арену для ристалищ и, оглушаемая воинственными призывами “апрелевцев” — этих ленинцев на час! — дробилась, делилась, саморазрушалась; всё наглое, бессовестное, бесовское ломилось на трибуны, всё кривилось, ставилось вверх дном...

И именно в эту пору судьба бросила меня в эпицентр происходящего. Анатолия Жукова, работавшего секретарём парткома Московской писательской организации, избрали директором издательства “Советский писатель”, а мне, его недавнему заместителю, предложили подумать и подготовиться... возглавить партком. Я был огорошен и, естественно, сразу же отказался: не имею опыта партийной работы, слабовато знаю московскую среду...

— А нам сейчас не партийный функционер нужен, а порядочный, надёжный человек. Вот такой, как вы, свежий, ещё не оклеенный никакими ярлыками.

Строго, озабоченно высказывались Сергей Островой, Юрий Прокушев, Александр Проханов, Пётр Алёшкин, Андрей Скалон, Анатолий Жуков... Первый секретарь правления Союза писателей РСФСР Юрий Бондарев в беседе со мной заявил без обиняков:

— Понимаю, поручение нелёгкое. Это не командировка к уральским рыбакам. Но... Надо!.. Нельзя отдавать московскую писательскую организацию на растерзание “демократам”.

А далее произошло то, что в момент вразумило меня, сподвигло безоговорочно подчиниться воле товарищей-коммунистов: при выборах секретаря парткома появилась солидная альтернативная кандидатура — отставной адмирал, энергичный и многоопытный Тимур Гайдар, отец того самого Егора Тимуровича, который вскорости едва ли не до смерти залечит страну “шоковой терапией”. Однако грозный мой соперник, один из лидеров пресловутого “апреля” — мощный группировки радикальных “демократов”, — получил абсолютное меньшинство голосов.

Партком состоял из 25 членов партии, половина из которых жаждала полноты власти, жаждала срочным порядком “перестроить” партийную и писательскую организацию, подчинить её псевдореволюционному, невзвезданно одержимому “Апрелю”. Им благоприятствовали в те смутные дни осатанело истеричный плюрализм мнений, монополюный натиск радикальных средств массовой информации...

Никогда прежде заседания парткома не проходили так бурно, ярко и жаростно. Вспомню хотя бы один эпизод... Вот почти стенографический отчёт того, как группа членов парткома, а по сути “демократов”-необольшевиков, кричавших всюду о гласности и свободе, кинулась подавлять подлинную гласность, атаковав свою же газету “Московский литератор” — орган парткома и правления Московской организации союза писателей РСФСР. Её редактор, Николай Дорошенко, публиковал в ту пору острые, смелые статьи национально-патриотической тематики и содержания, ради поиска истины давал высказаться любому оратору, невзирая на его политическую окраску. Так, в обычном рабочем порядке была опубликована крупная статья “Обслуживающий персонал” секретаря правления российского Союза писателей Станислава Куняева. В ней осмыслились факты хамелеонской позиции ведущего идеолога перестройки, доктора-историка, члена Политбюро ЦК партии А. Н. Яковлева. Это теперь для всех — гнусное фарисейство Яковлева-перевёртыша — истина во языцех. А тогда!..

– Срочно созвать партком... нужно! – встревоженно сказал мне Александр Алексеевич Михайлов, председатель правления Московской писательской организации. Известный литературовед, профессор, по возрастной мудрости и привычке почтительно относящийся к высокопоставленной власти, даже к кастрированному горбачёвскому ЦК, он бдительно захоптал о защите чести мундира одного из самых маститых его функционеров.

– Критиковать члена Политбюро ЦК в нашей маленькой газете – это дерзость, бестактность! Кто дал Николаю Дорошенко право на эту скандальную публикацию? – строго спросил Михайлов собравшихся по тревоге членов парткома.

– В стране гласность, плюрализм. Кстати, самим Яковлевым объявленные, – напомнил кто-то.

– Но почему Станислав Куняев не выступил со своей одиозной статьёй в какой-либо солидной центральной газете, а принёс её в “Московский литератор”? – возмущался Александр Алексеевич.

– Потому что Яковлев прибрал к рукам все средства массовой информации, почти все большие газеты, и Куняеву просто некуда было податься, – начал пояснять ситуацию Николай Дорошенко.

– Но почему эта публикация не согласована с нами, с правлением и парткомом? – прервал его Михайлов и обратился ко мне: – Иван Сергеевич, редактор Дорошенко показывал вам эту статью перед публикацией?

– Сложные, спорные материалы мы обычно обсуждаем, согласовываем. Но устанавливать слежку, цензорский контроль за каждой строкой вёрстки – значит не доверять редактору. А я ему доверяю... Что же касается статьи о Яковлеве...

– О члене Политбюро! – выкриком поправил меня кто-то из сидящих за нашим большим круглым столом.

– Что же касается статьи о члене Политбюро, коммунисте Яковлеве, – продолжал я, – то, на мой взгляд, она объективна и своевременна.

В зале повисла какая-то шоковая тишина.

– Это невероятно! – с горьким изумлением воскликнул Пётр Градов. – Теперь я понимаю, в чём секрет неискоренимого своеволия и распущенности Николая Дорошенко, и считаю: с этим надо кончать. Немедленно! Сейчас!.. Я предлагаю отстранить Дорошенко от редактирования газеты, а секретарю парткома объявить выговор за покровительство такому редактору.

– А каково мнение самого секретаря? – обратился ко мне А. А. Михайлов.

– Думаю, надо поощрять всех, кто утверждает в нашей жизни демократию и гласность, а не наказывать, как предлагает Пётр Михайлович Градов. Почему Коротичу в своём “Огоньке” дозволяется бездоказательно порочить и министра обороны, и главу правительства, а “Московскому литератору” предлагают заткнуть рот и помалкивать, даже если он пытается опубликовать неопровержимые факты?

– Позорище! Крохотная газетка московских писателей взялась осуждать, разоблачать члена Политбюро. Ай да Моська, знать, она сильна... – продолжил источать запредельное возмущение Градов.

– Газета стараниями Дорошенко превращена в антисемитский листок, её противно брать в руки, – донёсся старушечий голосок Маргариты Иосифовны Алигер.

– Вот именно! – гневно поддержал её Исая Кузнецов. – И пусть парторг Уханов внятно ответит нам сейчас, с кем он – с этим нераскаявшимся субъектом-оппозиционером или с нами – ядром московских писателей-коммунистов?

– Товарищи дорогие... Мне стыдно за всех нас. Ну, в чём должен каяться Николай Дорошенко?! – возроптал я, клоня к завершению изнуряющее душу заседание. – Доколь ему постоянно оправдываться за свою любовь к Отечеству? Это же нормальное, естественное чувство нормального человека – любить Родину. Нормальна и реакция Николая Ивановича против тех, кто мешает этой любви, кто ныне толкает страну к развалу и гибели.

– Нет. Партийного суда над Дорошенко нам не добиться с таким секретарём парткома, – разочарованно вымолвила Маргарита Иосифовна и, окинув хмурым взглядом лица единоверцев, вдруг с бодростью добавила: – Но есть народный суд Краснопресненского района!

– Учтите, Иван Сергеевич, если вы не одумаетесь, то окажетесь с Дорошенко на одной скамье, – по-отечески тепло и строго предостерег меня Пётр Михайлович Градов, всё ещё надеясь на моё прозрение.

Забегая далеко вперёд, скажу, что ни партийного, ни гражданского суда над Николаем Дорошенко, слава Богу, не состоялось. Он жив-здоров, продолжая по-прежнему преданно и отважно служить животворящему русскому Слову.

Союз писателей России так же стремится нынче, как и всегда, жить дружно, союзно, вкупе, в согласии, отвергая и укрощая всяческие, зачастую навязанные ему, свары и конфликты. Светоносны дела наших писателей, привыкших горести и радости соотечественников принимать и переживать как свои личные.

Неиссякаема сила их духовного единения с народом. Известен факт: когда фашисты подступили к Ленинграду, то из многих лечебниц выписывались сотни больных и шли защищать город. Срочно, фантастическим образом рубцевались язвы желудка, рассасывались туберкулёзные инфильтраты – врачуяще велика была сила патриотического чувства. Вливаясь в сердца воинов и ополченцев, духовная энергия становилась эквивалентом мощной материальной силы, превосходящей десятки боевых дивизий. Разнясь талантами и судьбами, писатели того далёкого и такого близкого времени были равными героями своего святого дела, ратоборцами, истинными провозвестниками победы. Народ и теперь с благоговением называет их имена: Михаил Шолохов, Леонид Леонов, Александр Твардовский, Константин Симонов, Илья Эренбург, Андрей Платонов, Алексей Сурков, Борис Полевой, Алексей Фатьянов, Алексей Толстой, Леонид Соболев...

Эти писатели и многие их собратья по перу вели неустанную мобилизацию народного духа, были опорой нравственной стойкости общества.

И ныне на дворе время тревожное, всё ещё смутное, далёкое от стабильности. И это во многом потому, что идеологи нынешних реформ начали не с духовного оздоровления общества, наоборот, они гостеприимно открыли все пути для вторжения в нашу страну саранчового тайфуна западной массовой культуры, опрометчиво объявив её “общечеловеческими ценностями”. Именно эта убойная культура вкупе с российскими либеральными средствами массовой информации и ныне разрушает нравственные устои и национальные идеалы нашего народа, навязывая ему чуждые, подчас аморальные нормы бытия.

По-прежнему лукавы и наши правители. Обещая улучшить резко поплохевшую жизнь людей, они, однако, не желают внятно обозначить цель – куда идём, что строим, к каким идеалам стремимся?.. Что значат фразы “курс президента”, “курс к цивилизации”? Это к какой цивилизации? Разве мы, советские люди, покорившие космос, прежде дикарями жили?..

Отуманивать, дурманить сознание людей можно долго, но не бесконечно. Нельзя народному организму “запретить здоровье, он прорвётся к нему любой ценой”, очнётся, прозреет, переможет нынешнее остродраматическое, ненастное время. Да ведь именно в непогоду зреет душа народа. И нам, писателям, доверенным лицам и заступникам его, важно чувствовать эту душу, помогать народу верно ориентироваться в усиленно загаживаемом информационном поле России, всемерно упрочать дух и стойкость народа.

Нет, не только кубами добытой древесины и проданной нефти следует измерять успехи созидания в нашей стране, но и – прежде всего! – степенью нравственного совершенствования людей, уровнем их духовной культуры.

Если же мы будем надеяться, как отметил недавно в своём выступлении Председатель правления Союза писателей России Валерий Ганичев, только “на нефтяную или газовую трубу, на нацпроекты, не затрагивающие главного – качества нашей духовной жизни! – Россия не будет иметь будущего”.

Воистину так.